

Марина Белкина

С улыбкой
о любви

Марина Белкина

Брачный антракт

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6883238

Белкина, Марина Николаевна. Брачный антракт : роман : Эксмо;

Москва; 2014

ISBN 978-5-699-72321-8

Аннотация

«Нянями не рождаются. Нянями становятся. И порой против собственной воли. Но, в конце концов, я актриса или кто?» – так рассуждала Вероника, соглашаясь на предложение силиконовой блондинки Полины за полтора миллиона рублей сыграть роль Арины Родионовны перед капризным папой-одиночкой и его сыночком. Оба оказались еще теми монстрами. Так что няне Нике не дает покоя вопрос: почему красавица Полина так цепляется за эту вздорную семейку?

Содержание

Пролог

5

Конец ознакомительного фрагмента.

67

Марина Белкина

Брачный антракт

Моим сыновьям Александру и Николаю

«Обзавестись ребенком – дело нештучное. Это значит решиться на то, чтобы твое сердце отныне и навсегда разгуливало вне твоего тела».

Элизабет Стоун

© Белкина М., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Пролог

Ника сидела на скамейке и наблюдала за мальчишкой. Тот пытался отобрать совочек у белокурой девочки в розовом пальтишке. Малышка проявляла себя как истинный боец – не желая уступать и пяди совочка, она вцепилась в него мертвой хваткой. Тогда мальчишка уперся ногой ей в живот и одержал сокрушительную победу. Девочка закричала.

Ника переглянулась с сидящей рядом беременной женщиной и осуждающе покачала головой. Какой невоспитанный ребенок!

К скамейке подскочила дама с лицом Николая Валугева.

– Немедленно разберитесь с этим мальчиком! – властно нависла она над Никой.

– Почему я? – удивилась Ника. – Я его не знаю. Впервые вижу!

– Вы привели этого ребенка на площадку, я сама видела! И нечего тут врать!

Ну, врать – громко сказано. Может, по поводу «впервые вижу» Ника слегка присочинила, но она действительно не знала этого ребенка! Ладно, почти не знала. Всего каких-то пять дней, два часа и двадцать две минуты. Да-да, счет шел на минуты.

Под грозным взглядом «дамы с лицом» Ника тяжело поднялась со скамейки, нервно одернула поношенный пиджак и

зашагала по детской площадке.

– Степан, сейчас же отдай совочек и извинись! – потребовала она.

Мальчишка набычился и крепче сжал совочек в пухлой ручке.

– Нет!

– Отдай сейчас же! Или будет хуже, потому что... у этой девочки мама – боксер!

Степан удивленно открыл рот и ослабил хватку. Воспользовавшись моментом, Ника выхватила у него совочек и вернула хозяйке. Ребенок проводил взглядом трофей, уплывший в руки противника, выпятил нижнюю губу и заорал так, что у Ники зазвенело в ушах. От этого истошного крика из головы разом вылетели все разумные мысли. Она схватила мальчишку в охапку, завалила на плечо, как Буратино, и под перекрестным огнем убийственных взглядов местных мамаш позорно сбежала с детской площадки.

– Новая няня... Безобразие! Наберут по объявлению! – слышалось за спиной.

Едва удерживая на плече брыкающегося ребенка, Ника пронеслась мимо заставленного машинами газона и взлетела по щербатым ступенькам на усеянное «бычками» крыльцо подъезда. Подумать только, еще совсем недавно она жила в доме, подъезд которого был отделан мрамором и увешан картинами, как Третьяковская галерея! Ездил на хорошей машине и носила только фирменные вещи. Ника вдруг яв-

ственно вспомнила тот погожий августовский денек, когда впервые увидела Егора. Разве могла она предположить тогда, что все так обернется?

* * *

На Остоженке он, конечно, попал в пробку. Зря через центр полез. Егор закурил, стряхнул пепел в полупустую банку «Red Bull» и принялся терзать магнитола. До поворота он успел выкурить еще две сигареты и прослушать выпуск новостей, а потом пошло веселее.

Полюбовавшись жгущими глаза куполами храма Христа Спасителя, Егор уже собирался перестроиться в левый ряд, как вдруг заметил знакомый «Лексус» на стоянке перед кафе. Похоже на одно из тех пафосных местечек, в которых три листика салата и две креветки под сомнительной заправкой продают по цене килограмма говядины. Полина такие заведения обожает. С Викулей заседают, потягивают «Мохито» и перемывают Егору кости. А чем им еще заниматься?

Он припарковал чумазую «Тойоту» у бровки – решил зайти поздороваться. Выпрыгнул из машины и сразу же увидел Полину, она выплыла из кафе в красном платье с декольте до пупа. Под руку с каким-то бакланом. Интересное кино. Егор спрятался за «Тойотой».

Тип в белой майке-сетке, как у бабы, скалил зубы, а Полина что-то рассказывала, активно жестикулируя. Егор достал

из кармана мобильник и набрал ее номер. Абонент – не абонент. Блин.

Они постояли еще немного у входа в кафе, потом пошли вниз по улице. Егор двинул следом, держа дистанцию. Излишняя предосторожность! Эти двое так заняты друг другом, что не замечают ничего вокруг! Кулаки Егора невольно сжались.

«Сетчатый» увлек Полину в арку, и они скрылись во дворе. Егор выглянул из-за угла. Тип шепнул что-то Полине. По каменному колодцу-двору эхом разнесся ее смех. Чуть хрипловатый и слишком интимный. О, как хорошо Егор знал этот смех! Стерва.

Парочка юркнула в подъезд жилого дома. Удар железной двери под дых. Каменный колодец с рядами окон и кучей роскошных тачек на дне подернулся рябью и стал тонуть в потоке бешенства, поднимающемся темной душной волной. Егор вспомнил о топоре и лопате в своем багажнике и улыбнулся. Он обрел точку опоры.

Прыгнул в машину и, едва не зацепив припаркованную впереди «беху», выскочил на дорогу. На набережной Егора остановил продавец полосатых палочек. Откуда только вылез, урядник?! Назвав свое звание и, как обычно, совершенно неразборчиво, фамилию, он попросил документы. Долго сличал фотографию с угрюмой небритой физиономией в окне и потребовал открыть багажник.

– А в чем дело, командир? – напрягся Егор и ляпнул пер-

вое, что пришло в голову: – Спешу к маме в больницу, может, договоримся?

– Откройте, пожалуйста, багажник.

Вот упырь, матери у него нет, что ли? Скрипнув зубами, Егор подчинился.

– Смотри-ка, научились делать. – Дотошный полицейский кивнул на топор и лопату. Они были пластмассовыми, в натуральную величину.

– Подарок для сына, – сказал Егор.

Да, у него есть Степка, его точка опоры, вот главное. А эта шлюшка Полина – да шла бы она лесом!

Егор проснулся от противного визга будильника. С гадливым чувством на душе. Как во время Евро по футболу, когда наши продули грекам. С чего бы это? Вчера с ребятами немного перебрали, но пили текилу, голова от нее на утро болеть не должна. Чувствовал Егор себя вполне, бодрячком. К тому же, сегодня по плану встреча с потенциальным заказчиком. Внутренняя отделка загородного дома, четыреста пятьдесят метров в Ватутенках. Выгодное дело.

Егор вытащил из-под живота подушку и, перекатившись на спину, попытался расправить сбившуюся комком простынь. Не постель, а логово зверя, как говорила Полина. Полина! Прислушался к себе и понял – это из-за нее. Не то чтобы Егор расклеился из-за девки. Еще чего! Просто она его разочаровала. Как могла загулять, да еще с кем? С ка-

ким-то дебилом в женской майке. Егор был о ней лучшего мнения. Главное, он-то ей не изменял! Почти. А Полина? Как у нее морда вытянулась, когда Егор сказал, что все знает. Потом оправдывалась, конечно. Несла какую-то ахиною. Языком болтать умеет, юристка, блин. Даже если бы у него натурально выросли рога, как у оленя, наверное, залечила бы, что это из-за переизбытка кальция в организме. Хорошо еще, ребята не узнали, а то до конца жизни оленем бы звали.

Егор дотянулся до прикроватной тумбочки, схватил телефон и посмотрел на дисплей. Семь пропущенных от Полины. Испортила все, а теперь жалеет, идиотка. Вошел в «Мультимедиа» и зачем-то открыл ее фотку. Полина на коньках в саду «Эрмитаж». Светлые локоны по плечам, от природы полные губы, фигура. Хороша, как «Мазератти-Кватропорте». Да и произвольную программу эта фигуристка катала на шесть-ноль, это да. Ну и ладно. Баб вокруг мало, что ли?

И все-таки что она нашла в том типе?

Егор вылез из постели и поплелся на балкон, курить. Потом быстро принял душ, натянул майку и джинсы и отправился на кухню.

Дом замер в непривычной тишине. Наверное, Степка уже ушел гулять с нянькой. По полу большой комнаты были разбросаны солдатика, железяка, похожая на забрало, и огромный динозавр, на надувной спине которого, победно оскалившись, возвышался конек. Историческая реконструкция Ледового побоища с участием Годзиллы. В раковине на кух-

не Егор обнаружил гору немытой посуды. Что-то новая нянька – как ее, Таня, Наташа? – совсем мышей не ловит! Егор выпил кофе из единственной чистой чашки со слонем на воздушном шаре и пошел на выход.

Ключи от машины висели на гвоздике, ключей от квартиры там не оказалось. Таня-Наташа, что ли, оба комплекта утащила? Или пацан заиграл? Чертыхаясь, он принялся за поиски. Пуфик в коридоре, кухня, большая комната, коробки с игрушками в детской, пуфик в коридоре. Блин. Ну точно Таня-Наташа! Или пацан заиграл. Все, сходил на встречу, заработал денег! Что за люди?! Убью обоих!

Обнаружил ключи в кармане вчерашних джинсов. Лады. Времени мало, надо спешить. Егор стянул с пуфика борсетку с документами и выскочил на улицу.

Только подойдя к своей «Тойоте», припаркованной на тротуаре, Егор понял, что ключи от машины так и остались висеть на гвоздике. Вот засада! Возвращаться? Плохая примета. Не то чтобы он был суеверным, нет. Просто в некоторые приметы невозможно не верить, они реально работают. Потоптавшись на месте, Егор поплелся к дому.

«Хрен с ним, в зеркало посмотрюсь».

Стараниями активиста-соседа зеркало висело прямо напротив лифтов. Захватив из дома ключи и закрыв дверь, Егор скорчил своему отражению страшную рожу и показал язык, для верности.

– КХМ-кХМ.

Егор метнулся в сторону испуганной птицей. За его спиной, у лифта, стояла какая-то тетка.

– Номеров нет, – пробормотала она себе под нос, разглядывая железную дверь общего коридора, и обратилась к Егору: – Мне нужна двести шестая. Который из звонков, не подскажете?

– Это моя квартира, – буркнул он, смущенно покосившись на зеркало. – В чем дело?

– Вы, наверное, Егор? – обрадовалась тетка. – А я Варвара Сергеенко! Мы договаривались.

Егор окинул ее мрачным взглядом. Очки, пучок на затылке, костюм, в какие обожают рядиться «синие чулки». Страшила. Причем незнакомая.

– С *вами* мы ни о чем не договаривались. Наверное, с адресом напутали. – Егор шагнул к лифту.

Тетка прыгнула наперерез. Довольно прытко для ее возраста, надо заметить.

– Я няня, от Матвея Борисовича, – быстро сказала она. – Полина должна была вас предупредить.

Рука, тянувшаяся к кнопке лифта, замерла на полпути. Матвея? Память с ловкостью карточного шулера подсунула последний разговор с Полиной. Ее путаные оправдания:

«Какой любовник? Матвей – сын лучшей подруги моей мамы. Помню его четырехлетним толстячком, поедающим собственные козявки. Да Мотька – последний мужчина на Земле, с которым я могла бы тебе изменить! В тот день мы

встретились случайно, в кафе. Его агентство по подбору персонала находится в том же доме, представляешь? Я сразу подумала о тебе и спросила насчет няни для Степочки. Матвей предложил подняться в офис, посмотреть анкету одной дамы – отличные рекомендации, да и берет недорого. Я договорилась с ней о встрече».

Вот эта дама и приперлась! Да, дела. Неужели Поинка и тот дебил в женской майке – друзья детства и шли тогда не в койку, а в офис? Не похоже... А даже если и так, какая на хрен разница?! Значит, потом поехали к нему. Или к ней. Или Полина еще с кем-нибудь мутит. Все они одинаковые!

Тем временем гостя приняла его замешательство за руководство к действию.

– Мне сказали, у вас мальчик? Обожаю мальчиков! – застрекотала она поставленным учительским голосом. – Я проработала восемь лет в семье посла, занималась воспитанием троих мальчиков-погодков. Такие сорванцы, знаете, что называется, «оторви и выбрось», но я жутко стрессоустойчива! Если хотите связаться с моими предыдущими работодателями, то...

– А как, говорите, называется контора? – перебил Егор.

Круглые стекла очков озадаченно блеснули. Нянька тормозила, как набравший ход поезд.

– Агентство этого вашего Матвея Федоровича?! – прикрикнул на нее Егор.

– Борисовича. «Леди Поппинс». Секунду, у меня где-то

была визитка.

Она долго копошилась в брюхе раззявившего пасть потерятого саквояжа, наконец извлекла кусочек картона и протянула ему.

«Леди Поппинс», агентство по подбору персонала, телефоны, адрес... Улица совпадает, и дом тот же.

– Вашему малышу три? Такой сложный возраст! Вы что-нибудь слышали о кризисе трех лет? – Леди Поппинс улыбнулась, участливо и снисходительно. Наверное, как-то так скалитесь и психологиня, к которой благоверная третий год таскает подкаблучника Димыча. Егора передернуло.

– Вы опоздали. Я уже взял человека, – сухо сказал он и нажал на кнопку лифта.

– Как? Но мне сказали... По рекомендации? Знаете, сейчас столько прохиндеек развелось, просто вопиющие случаи! Помните, ребенок – самое ценное, что у вас есть! Вам нужен человек с обширным педагогическим опытом! А я работаю по методикам Марии Монтессори и Сальваторе Феррагамо...

Двери лифта наконец отсекли его от навязчивой няньки.

«Тебе бы не детей воспитывать, а Герболайф втюхивать!» – подумал Егор.

Выбежал из подъезда, прыгнул в машину и дал по газам – времени в обрез. Опаздывать он не любил.

По закону подлости выезд со двора перекрыл мусоровоз. Японский городской! Это еще минут на десять, точно. Вот,

вернулся – и пожалуйста – нет пути! Егор опустил окно и закурил, морщась от дыма и грохота, с которым железная машина ворочала мусорными баками. Взгляд упал на квадратик визитки, белеющий на соседнем сиденье.

«А Полинка-то запомнила, что я пацану няньку ищу. Страшила эту откопала. Специально, чтоб я на няню сына не засматривался. Ревнивый осел, и чего я на нее взъелся? Подумаешь, вошла с мужиком в подъезд! Любит меня девочка. Надо ей позвонить».

Незадачливая няня еще немного повздыхала, разглядывая длинные носки своих поношенных туфель. Потом подхватила выдавший виды саквояж, съехала на лифте вниз и поплелась в сторону метро. Однако спускаться в подземку она не спешила. Дошла до конца улицы и, воровато озираясь по сторонам, запрыгнула в новенькую бордовую «Инфинити».

Юркий «башмак» подрезал выезжающую «девятку» и под визг клаксона лихо выкатился на дорогу. Слившись с шумящим автомобильным потоком, поплыл в сторону центра. Где-то там, в одном из старинных особнячков, отданных под офисы, под самым потолком вековой крыши притаилась небольшая комнатка, дверь которой венчала металлическая табличка с затейливой вязью «Алиби-агентство».

Элеонора Дузе сказала: «Актриса в жизни должна быть

незаметной». Незаметной Веронике приходилось быть часто. Немолодой некрасивой невидимкой – ННН. Сложности это не представляло. Она научилась играть мымру, почти так же виртуозно, как Алиса Фрейндлих в «Служебном романе». Не без помощи камуфляжа, конечно.

Заглушив мотор, Ника вытащила из пучка на затылке больно впивающиеся в голову шпильки и распустила по плечам темно-каштановые волосы. Костюм, взятый напрокат у мамы, решила переодеть прямо в машине. Если эта ветошь треснет по шву, будь готова получить очередную порцию нотаций: «Ты порвала за один день абсолютно новую вещь, которую я носила двадцать лет, бу-бу-бу!» Туфли, кстати, тоже из числа семейных реликвий.

Продемонстрировав чудеса изворотливости и роскошный комплект белья, она натянула майку и любимые джинсы в обтяжку от Армани. Ника обожала подчеркивать фигуру, считая ее своим главным козырем. Сорок восемь килограммов при росте сто семьдесят один – не дар небес, а результат каждодневных тяжелых лишений. Если смыть с лица специальный грим оттенка «бледная поганка» и снять затемненные очки, получится кареглазая девица двадцати восьми лет от роду, как говорят, похожая на цыганку. Кое-кто даже считает, что она похожа на Одри Хепберн. Пара независимых экспертов – муж и лучший друг, но они в меньшинстве.

Ника аккуратно хлопнула дверцей, поставила любимый «финик» на сигнализацию и, запрокинув голову, застыла с

блаженной улыбкой. Гроздь спелой рябины на фоне ясного неба. Невыносимо-синего и печально-высокого, каким оно бывает на излете лета. Ника глубоко вдохнула полной грудью, словно желая напитаться этой сосущей под ложечкой синевой впрок, на все куцые дни и бесконечные ночи вперед... Ладно, хватит под небом медитировать, словно раненый Болконский. В офисе давно Юрик ждет для разбора полетов.

Ника взлетела вверх по широкой мраморной лестнице. Старинный особняк, в котором находилось их агентство, представлял собой историческую ценность, установить лифт в нем не разрешили. Впрочем, это маленькое неудобство на запредельность цен за аренду никак не влияло. Заполучить офис в таком вальяжном месте удалось только благодаря деятельной занудливости Юрика, владелец особняка был его дядей.

– Мери Поппинс вызывали? – весело подмигнув, Ника проскользнула в кабинет «Алиби-агентства».

Два стола с компьютерами, серый ковролин, электрический чайник, фикус в углу – офис, как и любой другой. Случайному гостю ни за что не догадаться, что здесь, как горячие пирожки, стряпают алиби населению.

– Упс! А ты уверена, что няня для ребенка должна выглядеть именно так? – изогнул бровь Мишка, поигрывая бицепсом под майкой.

Мишка посещал тренажерный зал пять раз в неделю, по-

этому носил майку всегда. Даже в крещенские морозы.

– Зависит от возраста ребенка! – улыбнулась ему Ника.

Из-за монитора компьютера выглянул Юрик, лысеющий дылда с неизменно постной физиономией и перхотью на плечах.

– Ну, наконец-то! Чего так долго? – проворчал шеф.

– Да вот, ждала, пока ветер переменится! – пошутила она. – Добиралась из конца географии. И потом, дикие пробки, видно, народ из отпусков к первому сентября потихоньку подтягивается.

Юрик выехал из-за компьютера в кресле на колесиках и занял собой полкомнаты.

– Как прошло?

– Близко к тексту сценария. – Ника уселась на стол напротив Юрика. Может, это и дурной тон, но она любила во время разговора находиться чуть выше собеседника. – На десятку по десятибалльной шкале!

Положа руку на сердце, на десятку с минусом. Приплела зачем-то этого Сальваторе Феррагамо, будь он неладен! Юбку во «Временах года» присмотрела, вот и сорвалось с языка. Ну, ничего, и на солнце бывают пятна. Парень, кажется, ничего не понял.

Несколько лет назад, когда она только подрабатывала в агентстве актрисой, за такую оговорку по Фрейдю огребла бы по полной. Известный скупердяй Юрик попросту лишил бы ее гонорара! Тогда шеф все время держал Нику под кол-

паком, на задания она ходила, обвешанная специальной аппаратурой, как новогодняя елка, а босс «вел» свою актрису из машины, припаркованной где-нибудь поблизости. Теперь Ника стала полноправным членом команды – участвовала в разработке сценариев, занималась подготовкой алиби. Она получила карт-бланш, а значит, и право на небольшие «косяки».

– Как отыграла? Достоверно?

– Аск! Да для меня училку изобразить – раз плюнуть, моя мать преподает английский в вузе.

– Про рекомендации клиент спрашивал?

– Не-а.

– Визитку дала?

– Разумеется. Миш, а что там с офисом, если вдруг Егор решит наведаться?

Коллега показал большой палец и заговорил специальным голосом диктора телевидения Юго-Восточного округа, где пару лет назад прозябал в свободное от организации алиби время:

– С сегодняшнего дня и на протяжении двух недель агентство по подбору персонала «Леди Поппинс» ждет вас по адресу, указанному в визитной карточке. На телефонные звонки отвечает специально обученный человек. Полина останется довольна.

Ника удовлетворенно кивнула – в точку!

Заказчица Полина прибежала к ним «вся в слезах и

губной помаде» несколько дней назад. Утверждала, что ее жизнь кончена – любимый мужчина Егор застал со случайным любовником. После литра воды и ста граммов коньяка, который держали в сейфе специально для подобных случаев, выяснилось, что все не так уж безнадежно. Егор и видел только, как Полина с неизвестным вошли в подъезд какого-то дома. С организацией «пост-алиби» проблем не возникло. Они соорудили легенду о поиске няни для сына Егора. Полине повезло. В подъезде того самого дома нашлось свободное офисное помещение, которое удалось снять на пару недель. В нем устроили имитацию агентства по подбору персонала. Если Егор решит проверить Полину на вшивость и заглянуть в агентство ее так называемого друга детства Матвея, чтобы навести справки, все окажется вполне правдоподобно: шторы, кофеек, статисты – секретарша и два менеджера – в белых отутюженных рубашечках имитируют бурную деятельность офисного планктона. Того и гляди реально начнут деньги зарабатывать на поиске гувернанток и шоферов.

– Ну что ж, коллеги, поздравляю! – удовлетворенно кивнул Юрик. – Чисто сработали. Развод удался!

Ника поморщилась, он наступил на любимую мозоль.

– Ну, вот почему сразу развод?! – взвилась она. – Мы не разводим людей, а спасаем репутацию. Между прочим, благородным делом занимаемся. Делаем их жизнь лучше! А в случае с Полиной еще и соединили влюбленных после... до-

садной промашки!

– Это теперь так называется? – хмыкнул Макс.

– Да ладно, не будь ханжой. Оступилась девушка, ошиблась, с кем не бывает.

– Накосяпорила, ага. Влюбленная!

– Она от него без ума, просто поверь мне, малыш. В этих вещах я профи, – отрезала Ника.

– Видать, и вправду любит. Раз готова так раскошелиться на оплату своего алиби, – поддержал Нику Юрик, растроганно шмыгнув носом – деньги всегда затрагивали самые тонкие струны его души. – Одна аренда офиса с видом на Храм Христа Спасителя чего стоит, я уж не говорю о наших услугах. Но она, по ходу, не бедствует.

– Выглядит как богиня! – согласился Макс.

– Да она вся сделанная! – ревниво заметила Ника. – Ты видел этот рот? Неужели найдется на свете идиот, который поверит в его натуральность?!

– Свисток знатный. Как у телевизионных чучундр, Кристи и Энджи! – Юрик выпятил тонкие бескровные губы, сделавшись похожим на унылого Дональда Дака. – А арбузы? Полный тюнинг!

– И что только такая гламурная дева в этом Егоре нашла, непонятно... – пожала плечами Ника.

– Почему? Судя по фоткам, он мачо-мен!

– Отец-одиночка с квартирой в неблагополучном районе. Верит в приметы, как бабка, к тому же грубиян. Воспитания

– ноль. Представляете, продержал меня на лестничной клетке, даже в квартиру не пригласил! – Ника сверху вниз взглянула на Юрика, как Мария-Антуанетта на нерадивую фрейлину.

– Ладно, будем надеяться, что все наши усилия не пропали даром, и этот грубиян поверил в невиновность своей разгульной подружки, – резюмировал босс, бросив взгляд на наручные часы. – Внимание, коллеги! С минуты на минуту к нам пожалует потенциальный клиент. О-очень выгодный. Надо его облизать.

Ника фыркнула.

– Как думаешь, Юр, со сценарием алиби за пару часов управимся?

– Как пойдет, – пожал плечами босс. – А в чем дело?

– У меня сегодня съемки.

– Почему ты мне не сказала?! Где? – Макс оживился, как комар, учуявший запах крови.

– В ток-шоу. И не выпрыгивай, пожалуйста, из майки, им была нужна девушка. Возможно, завтра я проснусь знаменитой!

– Опять физиономию светить будешь, – проворчал Юрик.

– Не волнуйся, – отмахнулась Ника. – Никто из клиентов меня не узнает, там совсем другой грим.

Юрик закатил глаза, а Макс дурашливо пропел, бренча на воображаемой гитаре:

Вечер и огни.
Ей пора туда —
В океан любви,
Где она звезда!

Вот именно. Она как-никак дипломированная актриса. И пусть Юрик не воображает, что «облизывать» клиентов его «Алиби-агентства» – предел Никиных мечтаний!

Она сидит на краешке студийного кресла под софитами. В образе этакой белой лебеди с подрезанными крыльями – балерины, из-за травмы вынужденной уйти из профессии. Гладкая прическа, прямая спина, грациозные жесты – ведь истинную балерину узнают по рукам. Зал внимает ее душе-раздирающему рассказу в молчаливом оцепенении. Сотни глаз прикованы к Нике, но она видит лишь пристальный оценивающий взгляд из-под очков. Это один из специальных гостей Яков Гордый, любимый Никин режиссер, после Альмодовара и Кубрика, разумеется.

После программы Гордый подходит сказать, как тронут ее историей. Смущаясь и краснея, Ника просит прощения за то, что ввела мэтра в заблуждение. Это была всего лишь роль, для шоу.

– Так вы актриса? – изумляется он. – Однако! Сейчас где-то заняты?

– Да так, по мелочи, – уклончиво отвечает она.

В его глазах загорается огонек азарта.

– Я работаю над одним проектом. Фильм о художественной гимнастке, полный метр. Хотел бы вас попробовать. Как насчет завтра?

– Да! То есть нет! Лучше послезавтра. – Гимнастика, значит, на пробах, возможно, придется быть в купальнике. Надо успеть сделать эпиляцию!

– У вас красивый голос. Не поете?

– Немного. – Тут Ника хватает гитару и...

Стоп! Какая гитара в студии?! Впрочем, у них на телевидении такой бардак. На столе редакции, где Ника проходила собеседование для программы, рядом с фикусом восседала надувная свинья. Так что и гитара в студии вполне могла заваляться, допустим, где-нибудь за диваном. Итак, она хватает гитару и...

– Готово! – сказала Люда.

– Что? – Ника вздрогнула и огляделась в небольшой комнате, увешанной плакатами с изображениями хищно намааникюренных рук и ног. – Ах да... Прости, что-то я замечталась. – Она посмотрела на свои ногти с темно-вишневым покрытием шеллак. – Произведение искусства! Ты гуру маникюра, спасибо.

– Да ладно, – польщенно улыбнулась Люда, – просто у тебя ногтевая пластина красивая, правильной формы.

– Не забудь посмотреть на мои ногтевые пластины с произведением твоего искусства по телику! Я сказала, когда?

– Ага. И не один раз.

Рассмеявшись, Ника положила на стол чаевые, подхватила элегантную стеганую сумочку на длинной цепочке и выпорхнула из кабинета. Она прошла по сложному лабиринту салонных коридоров уверенной походкой – могла бы сделать это даже с закрытыми глазами – и очутилась в парикмахерском зале.

– Никуля! Еще больше похудела, умничка! – Вертлявый парень с выжженным пергидрольным хохолком чмокнул воздух рядом с ее щекой и усадил в кресло напротив зеркала. – Как ты?

– Чудно, у меня сегодня съемки на федеральном канале! Давай, как в прошлый четверг, вытянем, ладно? А сверху – вот это. – Ника выложила на столик изысканный аксессуар в стиле тридцатых годов – ленту на голову с экзотическим перышком.

– Чума! – взвизгнул стилист. – Это «Шанель»?

– Почти. Сама сделала, – с гордостью сообщила Ника. – Полночи с ней провозилась, все пальцы исколола!

В немом восхищении парень прижал руки к узкой безволосой груди в глубоком V-образном вырезе.

– Это какой-то абзац! Будешь на своем федеральном канале как главная подружка чикагского гангстера!

– Только умоляю, быстрее! Хочу еще успеть заскочить на эпиляцию.

Через три с половиной часа она вышла из салона в очках в пол-лица, озираясь по сторонам, как голливудская дива,

скрывающаяся от папарацци. Уселась в «финик» и покатила в Останкино, мурлыча себе под нос:

Вечер и огни.
Ей пора туда —
В океан любви,
Где она звезда!

Возле поста охраны ее встречала девица с красными причудливо начесанными волосами и рацией на поясе. Балансируя на одной ноге, девица положила на коленку свернутый вдвое лист формата А4 и что-то там нарисовала шариковой ручкой. Ника заглянула Красному Начесу через плечо и увидела галочку напротив отпечатанной надписи:

«Вероника Ромашова – репликант»

– Мне бы макияж подправить, зайдём в гримерку? – любопытствовала Ника.

Девица посмотрела на нее каким-то диким взглядом.

– Вообще-то гримерка у нас только для «випов». VIP-гостей.

– Ясно... а что значит «репликант»?

– Человек, подающий реплику из зала, – пояснила она и понеслась через просторный холл, в котором было почти так же оживленно, как в метро в час пик.

Ника старалась не отставать.

– Как это из зала?! Я думала, что буду героиней програм-

мы! – прокричала она на бегу, провожая взглядом известного ведущего новостей с телефоном у уха.

– Что вы, дама! У нас подставные только «репликанты», и то не всегда. Герои все реальные. Это вам не какой-нибудь телесуд, – снисходительно качнула начесом девица.

– Понятно.

Когда они поднимались по лестнице, телевизионщица затормозила между пролетами.

– Я вам пропуск сразу подпишу, а то потом не до того будет, – заявила она, вооружившись ручкой, и облокотилась на подоконник. – Ой, а это что за хрень?!

Ника сконфуженно стянула ленту с головы.

– Думаете, не годится?

Красный Начес сцапала аксессуар, как сорока ложку, и покрутила в руках.

– Прикольнo. Но, по-моему, для жертвы пластической хирургии как-то слишком претенциозно, – вынесла вердикт она и вновь поскакала вверх через ступеньку.

– К-какой еще жертвы? – ахнула Ника, машинально устремляясь за ней.

Собственноручно сделанная лента осталась забытой на пыльном подоконнике.

– Позвольте, но девушка-редактор Аня на собеседовании сказала, что я буду играть балерину! В программе о сломанных судьбах! О травмированных деятелях искусства и спортсменах!

– Тему программы в последний момент поменяли. На «Ужасы пластической хирургии».

– Но как же так?! – Тяжело дыша, Ника вцепилась в рукав телевизионщицы.

– Дама, выдохните! Нервные клетки не восстанавливаются, – участливо предупредила та, стряхивая Нику со своего рукава. – Чего вы переполошились? Пожалуйста, изображайте себе деятеля искусства! Травмированного неудачной липосакцией.

Бодрым галопом они вбежали в студию, которая оказалась гораздо меньше, чем по телевизору.

– Но я же ничего не знаю о липосакции! – в отчаянии воскликнула Ника.

– Сейчас Аня придет, она вас подготовит. Все, садитесь сюда, ждите, а мне еще двух ВИПов встретить надо.

И она унеслась.

Ника затравленно огляделась по сторонам. Помост с несколькими диванами, стационарные камеры, софиты. Зрительный зал почти пустой, только на галерке хихикают две кудрявые тетki в кофтах с люрексом.

Ника потерла пылающие щеки, встала со своего места, снова села. Потом опять встала и выбежала из студии прочь.

«Я подумаю об этом завтра!» – мысленно повторяла она, как заклинание, слова Скарлетт О'Хары, плутая по коридорам Останкина, и вдруг резко остановилась возле туалета.

та, как слон, учуявший мышь. Впереди замаячил знакомый красный начес! Ф-фу! Это вовсе не телевизионщица, а какой-то совершенно незнакомый панк.

Дверь туалета приоткрылась, и оттуда выкатился крепыш ростом метра полтора. Блуждающая улыбка, отрешенный взгляд голубых глаз, как у маньяка.

– О! Какие люди! Ника Самофракийская собственной персоной! – Коротышка привстал на носки и чмокнул ее в щеку.

Ника поморщилась. Кажется, он пользуется тем же одеколоном, которым мама заправляла в детстве ее выдохшиеся фломастеры.

– Привет, Роберт.

Это был парень из массовки «Мосфильма», мнивший себя Де Ниро, не меньше. Один из тех чудиков, которые, заменяв четвертый десяток, вдруг решили сделать актерскую карьеру – покорить Голливуд или, на худой конец, заполучить главную роль в модном отечественном «мысле».

– Какими судьбами здесь? – Ника соорудила на лице приветливую улыбку.

– На кастинге был.

Вот-вот. Выучатся на сварщиков-бульдозеристов, а потом по кастингам бегают, отбирают хлеб у профессионалов!

– Удачно?

– Ага! Роль, правда, не получил, зато сфоткался с такой телкой! – расплылся в улыбке он, тыча Нике под нос допо-

топную «мыльницу». – Ну, с этой... как ее? Еще в сериале играет. Ща покажу!

Откуда-то из складок мятого льняного пиджака Роберт извлек сложенную вчетверо газету, на которой, судя по пятнам, либо что-то ели, либо кого-то убили. Развернул и принялся лихорадочно перелистывать страницы.

– Вот! – наконец торжествуя ткнул он пальцем в известную столичную красотку, снятую с крайне неудачного ракурса. – Если бы меня так сфоткали, ноги бы вырвал! Журналюги «желтой» прессы – гады редкостные! Публикуют снимки звезд с тройными подбородками и жировыми карманами! Смотреть противно!

– Так зачем же ты читаешь эти газеты, Роберт?

– А я и не читаю! – возмутился он. – Я картинки смотрю.

Ника прыснула, намереваясь сообщить Роберту, что тот неподражаем, да так и застыла с открытым ртом. По коридору, словно сон, плыл... сам Яков Гордый! Одухотворенный взгляд поверх очков, небрежно наверхенный вокруг шеи платок развевался в такт биению Никиного сердца.

Вдох-выдох. Так не бывает! Это ее шанс, долгожданная улыбка фортуны! Надо подойти к нему, попроситься на пробы и тогда...

– Держи! – Роберт сунул Нике «мыльницу», подскочил к Гордому, чуть не сбив его с ног, и что-то горячо зашептал.

– Простите, юноша, но я не делаю снимков, как вы изволили выразиться, с фанатами, – развел руками мэтр.

– Ну что ж, тогда извиняюсь... – Роберт сконфуженно почесал нос и с ловкостью опытного самбиста произвел захват режиссерской головы сгибом волосатой руки.

– Фоткай быстрее! – удерживая побледневшего Гордого со съехавшими на нос очками, взревел он.

От этого властного вопля Ника отчего-то впала в транс, как змея – от звуков дудочки факира. Поднесла к глазу мутное стекло видоискателя и надавила на кнопку.

Щелк!

Полный провал. Кошмар в квадрате. Наверное, Гордый посчитал ее членом бандитской группировки психов-папарацци, орудующей в коридорах Останкина. Теперь о съемках у него и не мечтай. Хотя... Может, и удастся напроситься на пробы, когда любимый режиссер забудет об этом инциденте. Через год или два? Скорее уж, через десять, когда Нику окончательно разобьет радикулит. И целлюлит.

Она обнимала ладонями горячую чашку американо, поданную в уютной кафешке телецентра, и утешала себя тем, что ничего ужаснее сегодня произойти уже просто не может.

На столике завибрировал ее белый айфон. Ника закатила глаза и взяла трубку.

– Да, мам.

– Никуша, у нас новости, – срывающимся от волнения голосом сообщила мама. – Оксана родила! Мальчик, три шестьсот, пятьдесят два сантиметра! Теперь ты дважды тетя!

– Здорово! Как они?

– Эти немецкие эскулапы промурыжили ее двадцать часов, просто какие-то врачи-убийцы! Доложу я тебе, со времен «Освенцима» ничего не изменилось, но Оксана – молодец, наша порода! Только что с ней разговаривала.

– Умница Оксанка! Норберт, наверное, счастлив?

Старшая сестра Ники была замужем за немцем и жила в Кельне.

– Разумеется! Давай и ты бери пример со старшей сестры!

Сдерживая вздох, Ника кивнула.

– Угу.

– И, пожалуйста, не вздыхай! Когда вы с Андреем уже родите? – строго спросила она.

– Мам, давай потом это обсудим, ладно? Сейчас неудобно, я занята.

– Да чем ты можешь быть занята?! Красишь ногти? Пьешь кофе в кафе?

– По-твоему, других дел у меня быть не может? – разозлилась Ника.

– На съемке, что ли? А ты в курсе, который час? Домой опять будешь в потемках возвращаться? Ты посмотри, что вокруг творится! Одной женщине в лифте какой-то гастарбайтер приставил нож к горлу и потребовал кошелек. Она, разумеется, отдала, но денег там было мало, и гастарбайтер сказал: «Тогда я тебя поцелую!» Поцеловал в щеку и убежал.

– Мама! – застонала Ника. – Ну, откуда ты берешь все эти

истории?

– Это произошло с подругой сестры моей соседки!

– Не волнуйся, со мной ничего такого не случится. Ты же знаешь, у нас дом с охраной, а в подъезде – консьержка.

– Ника, бросай ты свои съемки! Эти жуткие телепрограммы, массовка... Ясно же, что настоящей актрисы из тебя не получилось! Надо срочно родить, не то будет поздно! Тебе тридцать лет...

– Мам, сколько мне лет?

– Ну, двадцать восемь, какая разница? – фыркнула мама. – Можно подумать, я не знаю, сколько лет моей дочери! Оксане тридцать два, а тебе – на четыре года меньше. Кстати, очень удобно считать, если вдруг забудешь.

– Я не забуду.

– Ника, надо родить! Знаешь, как сложно проходят роды у старородящих? Помнишь Олечку? Дочку тети Светы, моей коллеги, они еще жили в доме, который называют «китайская стена», потому что он самый длинный в Москве, так вот у нее во время родов никак не открывалась шейка матки...

– Мам! Э-э-э... меня тут уже зовут, позже перезвоню, ладно? – Ника быстро нажала «отбой» и передернулась. Мать в своем репертуаре!

Она отправила Оксанке поздравительную эсэмэску. Сделала большой глоток горького кофе и обожгла небо, на глаза навернулись слезы. Ну почему все так?

С момента поступления в Щуку она мечтала об успехе в

профессии. До ночи работала над этюдами, не пропускала ни одной интересной театральной постановки. Но после окончания института в «Вахтанговский» ее не взяли, а в другие театры Ника не хотела. Стала пробоваться в кино, и не без успеха – получила несколько небольших ролей в сериалах. Качество этого «мыла» оставляло желать лучшего, и о нем благополучно забыли сразу же после окончания съемок. Так же, как и об актрисе Ромашовой. И ведь вроде все при ней – внешность, голос, темперамент... Знакомые говорили, что Нику преследует злой рок, но она в это не верила. Давно поняла, что свою судьбу каждый человек создает сам. А значит, рано или поздно, все получится.

Машины Андрея на месте не было. Ника взглянула на круглые часики приборной доски своего «финика». Все пробки давно рассосались. Где же он? Потянулась к лежащему на передней панели телефону, но тут же решительно отдернула руку. Насмотревшись на клиентов «Алиби-агентства», Ника никогда не устраивала мужу допросов и глупых проверок. Жила по принципу: меньше знаешь, крепче спишь. Зачем изводить мужчину подозрениями и портить себе настроение? Гораздо полезнее для семейной жизни приготовить к его приходу вкусный ужин.

Она припарковала «финик» в подземном гараже и поднялась в роскошные апартаменты с видом на набережную. Отомкнув дверь ключом, осторожно ступила в давящую

тишину пустой квартиры, по спине побежали мурашки. В хорошем спринтерском темпе Ника проскакала по комнатам, щелкая выключателями и зажигая всюду свет. Так-то лучше! От словоохотливой соседки она знала, что в лихие девяностые в этой квартире «грохнули» криминального авторитета. Когда Андрей купил «нехорошую квартирку», он сделал тут полную перепланировку и ремонт, но, как в том анекдоте, осадок остался.

То ли из-за трупы в квартирном анамнезе, то ли из-за того, что Андрей не разрешал поменять и мельчайшей детали в интерьере от модного столичного дизайнера, но среди всех этих гардеробных, хайтековских светильников и смесителей от «Villeroy and Boch» Ника чувствовала себя неудобно. Как будто она не хозяйка дома, а продавщица в шикарном мебельном бутике.

В просторной кухне, отделенной от столовой барной стойкой, Ника достала из холодильника очищенные креветки, помидорки черри, сливки, а из шкафа – сушеные травы и специи. Поставила на огонь кастрюлю с водой и сковороду. Сегодня на ужин будут спагетти с креветками под умопомрачительным соусом, Андрей пальчики оближет! Самой Нике, правда, придется ограничиться овощами на пару, ведь спагетти – это яд!

В ядах она разбиралась не хуже придворной интриганки галантного века. Вот уже несколько лет придерживалась специальной системы, разработанной личным диетологом. Раз

в три месяца сдавала кровь на анализ, чтобы определить, какие продукты подходят именно ей. После лабораторного исследования все полезности заносились в зеленый список, в красный – продукты, которые отравляли организм. Лишними килограммами.

– Под запрет всегда попадают сахар, яйца, рожь и пшеница, – смеялся муж. – Просто не ешь мучного, печеного и сладкого, и ты без всяких списков похудеешь!

Ника тоже смеялась, соглашаясь – мужчины любят, когда с ними соглашаются. Однако продолжала строго следовать всем рекомендациям диетолога, ведь благодаря своим спискам похудела на восемь килограммов и получила фигуру мечты.

Ника колдовала над спагетти, как вдруг спиной почувствовала: в кухне кто-то есть! Хотела обернуться, но тело налилось свинцом. В конце концов, бояться привидений просто глупо, подумала она и похолодела. На талию легла ледяная рука в малиновом манжете!

– А-а-а! – Отпрыгнула в сторону, выставив вперед ложку, словно осиновый кол.

Однако вместо нового русского мертвеца перед ней стоял вполне себе живой муж.

– Чего орешь? – обиделся он.

– А ты чего подкрадываешься?! Фу, с нервами беда! – засмеялась Ника.

Она поцеловала мужа и окинула горделивым взглядом.

Андрей полностью отвечал Никиным представлениям о мужской привлекательности. Тридцать девять лет – ей всегда нравились мужчины чуть старше. Стальная уверенность во взгляде прищуренных серых глаз. Седина на висках, волевой подбородок с ямочкой. И безупречная улыбка – визитная карточка хозяина сети стоматологических клиник. Не слишком высок, зато на его фоне Ника выглядела как модель.

– Что за странный цвет у этого джемпера?

– Ты ничего не понимаешь, – отмахнулся он, – это модно.

Я же сегодня интервью давал. Вот и прифрантился!

Андрей метнулся в зону столовой и принялся летать там, как маленькое торнадо, несущее бардак. На стол шлепнулась бочка часов, потом айфон и ключи от машины, на стул полетел джемпер, а в угол – свернутые комочком носки.

– Фу, Андрей! Брось в машинку!

– Угу. – Он плюхнулся на стул. – Эти телевизионщики промурыжили меня, десять раз время встречи переносили, нормально? Вечно у них что-то меняется.

– Это точно, – горько вздохнула Ника, раскладывая приборы.

– Как будто у людей других дел нет, кроме их интервью! Хотел послать их, но не стал.

– И правильно сделал. Это же такая реклама клиникам!

– Угу. Продюсерша Света предлагает участие в долгосрочном проекте. Ну, типа, знаешь, берут какую-нибудь лахудру, делают ей пластику, гардероб подбирают, зубы отбеливают.

С нас бесплатное отбеливание, а канал, в свою очередь, обещает в каждом выпуске давать интервью с титром, где будет написано название клиник. М-м-м! – Андрей подскочил к плите, взялся за крышку на сковороде и тут же отдернул руку. – Елки! Давай уже садиться, а то я голодный, как... я не знаю. А с твоими съемками что? – вспомнил он.

– Ничего. Я не поехала. – Она склонилась над сковородкой, пряча лицо.

– Ну и правильно. Делать больше нечего, кроме как участвовать в идиотском телешоу!

Он достал из бара початую бутылку белого вина и наполнил высокие бокалы. Ника водрузила на стол роскошное блюдо, достойное итальянского шефа, и тарелку с сиротливо скукоженными брокколи.

– Ну, за то, чтобы твой телевизионный проект выгорел? – подняла она тост.

Скрещенные бокалы мелодично звякнули.

– Выгорит, куда денется! «Если действительно чего-то хочешь – вся Вселенная будет способствовать тому, чтобы желание твое сбылось!» – Андрей процитировал любимого «Алхимика».

Ника хмыкнула. Она не разделяла увлечения мужа всеми этими Коэльо, Бахами, «Секретами» и прочей околорелигиозной мутью. Предпочитала действовать, а не медитировать, ожидая милостей от Вселенной. Ну а если уж творить себе кумира, лично она бы сделала ставку на Амели с Монмартра

– городскую фею, которая помогает людям изменить жизнь к лучшему.

– Андрей, я хотела спросить... м-м-м... то есть попросить...

– Угу? – Андрей, как пылесос, всасывал свисающие по подбородку спагетти.

На столе зазвенел его айфон. Муж схватил трубку, утираясь салфеткой.

– Извини... Привет, Дим. Нет, ничего. А что там с оборудованием?

– Тебе еще подложить? – спросила Ника.

Андрей свирепо отмахнулся от нее, как от назойливой мухи, вскочил из-за стола и убежал в спальню. Ника пожала плечами. Грубиян! Неужели трудно просто кивнуть или помотать головой?

Еще немного поклевав брокколи, она отставила тарелку и включила плазму на стене. Лениво полистав каналы, наткнулась на медицинский сериал, реклама которого красовалась на билбордах по всему городу. Там играла девочка из Никиного института. Впрочем, играла – сильно сказано, полная бездарь. Да кому какая разница? Сериал сейчас на пике популярности. Даст пару интервью, устроит публичный скандалчик «желтой» прессе на потеху, и вуаля! Новоявленная звезда готова! А ведь эта девчонка на три года младше нее... Нике вдруг стало так скучно, что захотелось удавиться.

– Куда катится этот мир, – вздохнул за ее спиной вернув-

шийся из спальни Андрей. – Ничего святого!

– О чем ты?

Муж негодуяюще смотрел в телевизор.

– Этот сериальчик – насмешка над теми, кто возложил на себя священную миссию лечить людей! Ты только полюбуешься на этих клоунов! Вместо того, чтобы спасти человеческую жизнь, доктор занимается какой-то ерундой! Да он же профнепригоден! Просто преступник!

– Да ладно, это всего лишь шутка, комедия.

– И ты находишь это смешным?

– Ну да. Местами довольно забавно.

Муж посмотрел на Нику как на клиническую идиотку. С чувством юмора у него было неважно.

– Так о чем ты хотела попросить? – напомнил он, возвращаясь к ужину.

– Да, – откашлялась она. – По поводу этой продюсерши. Ты... мог бы поговорить с ней обо мне? Ну, знаешь, у них на канале снимаются всякие там сериалы, может, нужны актеры, и она могла бы...

– Кто о чем, а вшивый о бане! – в возмущении воскликнул Андрей, вскочил и заметался по столовой, как зверь в клетке. – Ника, сколько можно? Пойми, актерство приносит тебе одни разочарования! Взять хоть ту историю с ролью! Ты так радовалась, что будешь играть проститутку в новом фильме известного режиссера, рассказала всем знакомым, а в итоге? Твой эпизод просто вырезали! Вы-ре-за-ли! Помнишь, как

ты тогда переживала?

– Это было сто лет назад, – отмахнулась Ника.

– Да какая разница? Можно подумать, сейчас что-то поменялось, и ты стала известной актрисой! – Андрей опустил-ся на стул и порывисто схватил ее за руку. – Малышка, ты очень талантлива, я действительно так считаю! Просто это не твое... ну, не всем же быть Сарами Бернар. Хватит биться лбом в закрытую дверь.

– Я и не бьюсь, – буркнула Ника.

– Бьешься! И переживаешь из-за того, что у тебя ничего не выходит! Нервная стала. Да и работа в этом твоём сомнительном агентстве спокойствия не добавляет.

– Почему сомнительном? Мы, между прочим, помогаем людям...

– Сама себя-то хоть не обманывай, ладно? Занимаешься этой хренотенью только из-за возможности лицедействовать! А ведь ты обманываешь людей, да-да! Это выйдет боком, попомни мои слова! Когда ты уже уйдешь оттуда?

Ника тяжело вздохнула, жалея, что завела этот разговор.

– Перед свадьбой мы договорились, что я брошу работу не раньше чем забеременею, помнишь?

– Вот! Вот о чем ты должна думать! О будущем малыше! Мне кажется, у нас и не получается только потому, что ты зациклена на карьере! Помни, надо четко сформулировать свое желание и отпустить его.

– Знаешь, я не стала бы так слепо доверять всем этим эзо-

терическим штукам.

– Я тоже, – неожиданно согласился Андрей, хлопнув себя по коленям. – Поэтому поговорил с коллегой из центра репродукции. Там лучшие специалисты, ты пройдешь полное обследование.

– Я? Но... зачем? – пролепетала Ника. – Мы не так долго пытаемся завести ребенка, чтобы сдаваться врачам.

– Три года. Тянуть дальше не имеет смысла. И не спорь!

Ника и не собиралась, ведь, если муж что-то вбил себе в голову, спорить с ним – себе дороже.

– Когда идти на прием? – обреченно спросила она.

– В понедельник.

Ничего, до понедельника она что-нибудь придумает.

– Надеюсь, эти твои специалисты знают, что делают, – недовольно проворчала Ника.

– Вот и умница. Ладно, пора спать, а то завтра сумасшедший день. Идешь?

– Посуду надо помыть. И потом, еще только полпервого, так рано я не усну.

– Совушка-сова, большая голова, – прошептал Андрей, целуя ее на прощание. В лоб, как покойника. – Долго не засиживайся.

Ника услышала, как муж хлопнул дверью ванной. Дождь-лась, пока там польется вода, потом торопливо выцарапала из кармашка сумочки полупустую упаковку таблеток и затолкала в рот одну. Пилюля встала где-то поперек горла.

Собираясь запить, Ника вскочила на ноги и задела головой свисающую с бра ненужной паутиной «музыку ветра». Феншуйская конструкция незамедлительно пришла в движение и противно зазвенела. Ника вздрогнула всем телом.

– Вот зараза!

Вдох – выдох, а Андрей прав, нервишки пошаливают. Может, валерьянки выпить? Нет, тут нужно другое. Вернее, другой. Как горячая ванна после прогулки под дождем с промокшими ногами, как скидка на платье мечты, ей необходим Мишка!

С коллегой по «Алиби-агентству» Мишкой Нику связывали особые отношения.

Они встретились на следующий же день в конспиративном ресторанчике в Бирюлеве. Андрей скорее оказался бы во льдах Антарктиды, чем в Бирюлеве, но Ника все-таки назначила встречу на время, когда муж отправился в офис к деловому партнеру. На всякий случай.

Когда она вошла, Мишка уже ждал за столиком.

– Привет, малыш!

– Здравствуй, роднулечка! – томно прошептал он, поднимаясь ей навстречу.

Ника сморщилась.

– Оставь эти взгляды для своих девиц и выключи уже «мачо», в глазах рябит!

– Прости. Не так-то просто сразу выйти из образа, – хо-

хотнул Мишка, чмокнув Нику в щеку и снова усаживаясь за стол. – Я заказал себе цыпленка табака с чесночными гренками, а тебе традиционно – зеленый чай.

Он неодобрительно покосился на френч-пресс на столе.

– По-моему, цвет как-то бледноват. Представляешь, моя девушка уверена, что такие чай – специально для блондинок, чтобы волосы не темнели. Ну, знаешь, как с розовыми фламинго – их тоже чем-то особенным кормят, чтоб окрас не менялся.

Ника расхохоталась.

– Подожди, но твоя Наташка вроде брюнетка?

– Уж месяц как нет!

– Что? Блондинка?

– Брюнетка, но уже не моя. Ты безнадежно отстала от жизни. После нее была еще Алина, а теперь я встречаюсь с Олей. М-м-м, слушай-ка, а вполне съедобно! Может, все-таки попробуешь кусочек? Нельзя? А просто понюхать?

Несмотря на то что Мишка проходил в «Контактах» Никиного телефона под именем «Лена маникюр», был он не любовником, а лучшим другом, еще с институтских времен. Андрей всегда находил эти отношения подозрительными, а после своей свадьбы с Никой – и вовсе разнузданными. Муж требовал немедленно порвать «с неудавшимся актеришкой». Ника возмущалась. Объясняла, что Мишка – просто друг, к тому же Андрей может быть совершенно спокоен – она никогда не закрутит романа с парнем, который относится к своей

внешности серьезней, чем к самой Нике. Потом поняла, что пытаться обуздать ревность мужа бесполезно, и сделала вид, что подчинилась, спрятав лучшего друга в одном из многочисленных потаенных карманов своей жизни.

Ника обожала Мишку, как неврастеник личного психолога. Только ему она решилась рассказать, как сбежала с телешоу и профукала шанс сняться в кино у Гордого. А еще, наслаждаясь ароматом чесночных гренков, во всех подробностях расписала последний разговор с мужем.

– И чего ты ему не родишь? – спросил Мишка, когда Ника закончила. – Не хочешь, чайлдфри ты моя недоделанная?

– Хочу. Но не сейчас. Я сама еще ребенок, вот лет через десять и... кхм... посмотрим.

Макс скептически хрустнул гренком.

– Что?! Одна моя знакомая родила в пятьдесят абсолютно здорового ребенка! Причем дома, в ванной! – запальчиво сообщила Ника. – Не веришь? Между прочим, это случилось с подружкой подруги моего косметолога. Кажется, я сейчас говорю как моя мама. Просто... Не то чтобы я боялась, нет, но материнство так меняет людей! Если б ты видел, во что превратилась моя сестра!

– Представляю! Растяжки, шрамы, обвисшие груди, – скривился Мишка.

– Не в том дело. Понимаешь, раньше она была умной ироничной девушкой, которая бегала по выставкам, прыгала с парашютом, а теперь... Я ее просто не узнаю! Все разговоры

о детских болячках, присыпках и памперсах, как будто у нее самой в мозгах разлагается грязный подгузник! Заусенцами вся заросла, на голове – какие-то три пера! – Ника залпом выпила остатки чая. – И потом, если я забеременею сейчас, на карьере можно поставить крест! Ты-то хоть это понимаешь?

Мишка погладил ее по щеке.

– Смоктуновский сыграл своего Мышкина и проснулся знаменитым, когда ему было уже за тридцать. У тебя все получится, вот увидишь. Ты обязательно станешь звездой, роднулечка. – Мишка – единственный человек, который мог сказать это. Не потому что действительно так считал, а потому что Нике было нужно. – Так и объясни своему благоверному!

– Смерти моей хочешь? Он не поймет.

– Но почему?!

– Да потому что на свете существует только два мнения – его и ошибочное.

– Ты точно такая же!

– Брось!

– Точно. Все еще любишь его? – тихо спросил Мишка.

– Люблю.

– Любишь?

– Да люблю-люблю! – вздохнула она. – Конечно, за столько лет чувства как-то полиняли, что ли... Бабочки в животе больше не порхают. А как я по нему с ума сходила, ты

не представляешь! Он ведь сначала на Дашку глаз положил. Ну, такая с синими глазами, из моего класса, помнишь? Вот как-то рассказывает мне она, какой он умный, веселый, как божественно целуется, а я смеюсь! Студентка театрального вуза все-таки, марку держу, а сама пирожное жую, «картошку». Одно, другое. Дашкина мама с работы вернулась и ахнула: «Вы что, все пирожные слопали? Десять штук?!» До сих пор на эту «картошку» смотреть не могу, веришь?

Мишка усмехнулся.

– И как тебе удалось его отбить? Чулки в сеточку, духи с феромонами?

– Считаешь меня настолько примитивной?

– Неужели клофелин?! – Он закусил кулак, как в комедийном немом кино.

Ника рассмеялась.

– У Дашки тогда был поклонник, Генка, она его в упор не видела. Вот с этим Генкой-невидимкой мы и разработали целый план по соблазнению моей роковой подружки. Я рассказала, какие фильмы и песни ей нравятся, как должен выглядеть и вести себя парень, чтобы Дашка на него запала, короче, заставили поверить бедняжку, что Генка – мужчина ее мечты. Она сама от Андрея ушла.

– Узнаю заслуженного деятеля «Алиби-агентства». И ты, лиса, его утешила, да?

– Сначала утешила, а потом знаешь как он в меня влюбился! Какие букеты присылал, а какие письма километро-

вые строчил, м-м-м! В две эсэмэски не влезали. Сохранила на память пару перлов, показать? – Ника полезла в свой мобильный. – Вот! «Спокойной ночи, моя принцесса! Вспоминаю твои губы, глаза, волосы. Каждую секунду этой ночи я буду думать о тебе! А этих секунд, между прочим, 28800. Или 28900. Не знаю точно, я считал в столбик. Люблю. Люблю! Люблю!!!»

– Романтик, – хмыкнул Мишка.

– Ха! А что этот романтик мне пишет сейчас! Да хоть вчера.

Ника поводила пальцем по экрану и положила перед Мишкой телефон с текстом сообщения:

«Забыл дома сп. Какой дез, шар?»

– Пальцы на руках у него не сломаны, нет? – хмыкнул Мишка. – И что значит сей шифр?

– Я ему список написала, что в магазине купить, одним из пунктов был дезодорант. Заказала любой шариковый, только не спрей, ну и вот...

– Купил?

– Три вида! И все спреи.

Мишка расхохотался.

– Ты его еще за прокладками пошли! А потом жалуется, что романтика пропала. Бытовуха одолела, ага.

– Прав, – вздохнула Ника. – Как раз сейчас работаю над романтическим антуражем. Завтра годовщина, шесть лет как мы с Андреем вместе. Я заказала столик в шикарном па-

норамном ресторане. Открытая веранда на двадцать втором этаже, шампанское, легкий ужин, а на десерт – торт в виде роликовых коньков с шестью свечами. Наше первое свидание на роллдроме было.

– Что-то припоминаю... Ты еще ногу подвернула, и он тебя на пятый этаж без лифта на себе пер? – Мишка щелкнул пальцами. – Так вот почему ты решила похудеть!

Ника скорчила ему рожицу.

– Сахарные ролики на торте! Как это креативно! – шептала улыбчивая официантка, провожая Нику к ее столику. – Вашему мужу так повезло с вами, так повезло!

– Спасибо, закуски можно уже нести. Муж будет с минуты на минуту.

Оставшись одна, Ника закуталась в предложенный официанткой плед – на высоте оказалось ветрено – посмотрела за борт веранды. Внизу летали птицы, по реке, словно щепки, курсировали крошечные прогулочные трамвайчики, мигали огнями гирлянды Ленинского проспекта и Третьего кольца. Пробки, будь они неладны! Наверняка, в одной из них и Андрей застрял. Позвонить ему? Не стоит. От этого он быстрее не придет. Ника вспомнила, как Андрей рассказывал о жене своего делового партнера, которая постоянно названивала благоверному, отслеживала все его движения через секретаршу и даже тайно установленный на его телефоне GPS. Как это комично и жалко!

– Здравствуйте, Лида. Это... кхм... Вероника, жена Андрея. Извините за беспокойство, просто мы договорились о встрече в ресторане час назад, но его до сих пор нет. Может, что-то поменялось, не знаете? Да, абонент не доступен. Понятно. Будем надеяться, спасибо.

Ну, и где носит этого олуха? Нормально отметить долбаную годовщину мы, разумеется, не можем! Только через одно место! Ника похолодела. А что, если Андрей попал в аварию, жуткую, в стиле «Дорожного патруля» и его сейчас вырезают из машины автогенном? Так. Хватит себя накручивать, Андрей скоро явится, и все встанет на места.

Подошла официантка и поставила перед Никой фреш, третий по счету.

– Может, сразу закажете горячее? Просто его придется ждать еще минут сорок...

Ника посмотрела на заветренные закуски и выдавила улыбку.

– Позже.

За соседним столиком хихикала влюбленная парочка – парень фотографировал девушку с французской косой.

Запиликал мобильный, Ника схватила его, едва не выронив из рук.

– Ну наконец-то! Андрей?!

– Никуша? – всхлипнула трубка.

– Мам, это ты... Что случилось? Почему ты плачешь?

– Никуша, сейчас по телевизору показывали...

– Что?! Дорожный патруль?

– Ой, я не могу! В общем, рассказывали, как собрать в школу первоклассника, вот я и подумала: «А у нас с тобой нет первоклассника!»

Она шумно высморкалась.

– Мама, у тебя двое внуков, одному из них пять лет, а другой родился на днях. Зачем тебе понадобился еще и первоклассник, причем от меня? И во сколько я должна была его родить? В двадцать один?!

– У меня в двадцать один уже Оксана была, – с достоинством сообщила мама. – А в двадцать пять я тобой забеременела. С вашим отцом тогда отношения совсем расклеились, я и решила от ребенка избавиться. Таблеток напилась, чтобы выкидыш случился, но ничего не вышло, ты там прямо заког-тилась, ха-ха! Думала, урод какой-нибудь родится, но ничего... Ну, а ты кого собираешься произвести на свет от своего Андрея? Подумать только, было столько поклонников, а в мужья выбрала старца! Он же тебе в отцы годится!

– Не преувеличивай.

– Признайся, что и сама уже жалеешь! Не любишь ведь его больше! У него проблемы с потенцией, да? Еще бы! В его-то возрасте! Между прочим, в программе «Здоровье» сказали...

– Мама, у Андрея нет проблем с потенцией! – рявкнула Ника.

Девушка с косой из-за соседнего столика втянула голову в плечи.

– Он алкоголик!

– Мама!

– Точно тебе говорю!

– Да он не пьет ничего крепче пива!

– Бывают пивные алкоголики!

Вдох – выдох.

– Мама, с алкоголем у Андрея тоже проблем нет. И я его по-прежнему люблю, понятно?

– Ну, как говорят англичане – *tastes differ*¹, – обиженно сказала она.

– Ну, просто класс! Спасибо, мам! Довести человека до белого каления, а потом сказать что-то типа: «Ну, как хочешь, *tastes differ!*» Вполне в твоём духе! – заорала Ника, но мама уже отключилась.

Если Андрея сейчас вырезают из машины автогенном, отлично! Это в его же интересах!

Парочка из-за соседнего столика склонилась над фотоаппаратом и разразилась хохотом. Они, разумеется, смеются над Никой! Над дурой, которая неделю готовила сюрприз для мужа, а последний даже не соизволил явиться!

Официантка прошелестела мимо, пряча глаза. Хостес с любопытством поглядывала на идиотку, третий час, как истукан, сидящую за пустым столиком. Их косые взгляды – как

¹ О вкусах не спорят (англ.).

иголки, которые загоняют под ногти. Одно дело – если Андрей не пришел, даже изменил, но об этом бы никто не знал, а тут... Публичное унижение – Никин персональный ад.

От внезапного звонка мобильного она вздрогнула всем телом.

– Малышка, привет! Прости! Тут эти переговоры, будь они неладны... только что освободился. Я на другом конце города, доехать до ресторана не успеваю. Купил тут шампанского, может, перенесем наше мероприятие домой, а?

– Хм... мероприятие?

– Прости, что? Связь плохая! Я говорю, отметим годовщину дома! Я уже еду, давай и ты подтягивайся... Але, Ника? Але! Ты там не обижаешься?

– ...Нет, конечно. На что?

Домой она добралась только поздним вечером. Скинула туфли в прихожей и прошла в гостиную. На журнальном столике в дизайнерской вазе стоял сложный готовый букет с орхидеями или какими-то другими пафосными цветами. На диване сидел Андрей, опустив голову. Ника подошла ближе, но он не удостоил ее даже взглядом.

Хм, оригинальный способ просить прощение!

– Привет, – озадаченно проговорила Ника.

– Что это такое?

Только тут она заметила на столике свою сумку, рядом с которой валялась упаковка противозачаточных таблеток.

Сколько раз в кошмарных снах Ника видела эту сцену! Просыпалась в холодном поту с колотящимся сердцем, а наяву не почувствовала ничего, кроме опустошения после этого ужасного длинного дня.

– Ты уже и по сумкам моим шарить?

– Да вот. Хотел сделать сюрприз любимой жене.

Андрей с яростью швырнул квадратную кожаную коробку с логотипом известной ювелирной фирмы. Она угодила в кресло, около которого стояла Ника. Щеки вспыхнули, как от пощечины.

Он впервые посмотрел ей в глаза.

– За что ты так со мной?

Ника могла бы соврать: мол, таблетки ей прописал врач, только на время лечения, чтобы устранить какую-нибудь незначительную женскую проблему, которая, как выяснилось, и мешает им забеременеть; просто Ника не хотела расстраивать мужа! Могла бы разыграть удивление, сообщив, что таблетки принадлежат подружке и попали в ее сумочку случайно. Могла бы, для актрисы «Алиби-агентства» это пара пустяков. Однако она молчала, чувствуя лишь прилипший к небу язык и невероятную усталость.

– Ты из-за своей гребаной карьеры, да? – Андрей вскочил и принялся метаться из угла в угол. – Что ж, надо сделать это, в конце концов я врач, – пробормотал он, схватил Нику за плечи и произнес загробным голосом, словно гипнотизер: – Послушай меня. Ты никогда не станешь великой актрисой.

Потому что ты бездарна. Играть не умеешь. Красивая женщина, да, но без харизмы. Голосок слабенький, темперамента нет. Ника, ты бездарь, понимаешь? Без-дарь. – Его пальцы больно сжимались на ее руках. – А сейчас из-за своих дурацких амбиций можешь профукать еще и шанс стать матерью! Зачем ты жрешь всякую гадость, а? – Андрей встряхнул ее, как тряпичную куклу. – Зачем?!

Адреналин взбудоражил кровь, и миниатюрная Ника, высвободившись из железных тисков, отшвырнула мужа.

– Да потому что я не хочу рожать от тебя, понял? – заорала она. – Не хо-чу! Ты старец! Слишком дряхлый для меня! Я не люблю тебя больше! Слышишь? Не люблю! А еще ты... пивной алкоголик!

Ника бросилась на балкон за стремянкой и полезла доставать чемодан. Андрей несколько секунд стоял памятником замученному фрицами партизану, а потом метнулся за ней.

– Давай! Иди к своей чокнутой мамаше! Здравствуй, ежедневный вынос мозга! – Он рассмеялся громко и ненатурально, как Мефистофель провинциального театра. – А жить будешь на гонорары «Алиби-агентства»?! Ха-ха! Их как раз хватит на один спа-маникюр и половину шарфика от «Эрме»!

Ника заскочила в гардеробную, окинула невидящим взглядом роскошные платья-юбки-блузки, любовно развешанные по цвету и комплектам, батарею туфель всех калибров в три ряда и яростно побросала в чемодан несколь-

ко джинсов, свитер, пару балеток. Схватила с прикроватной тумбочки книгу афоризмов, сунула в сумку документы и альбом со студенческими фотографиями. На столике оставила обручальное кольцо и ключи от машины. Выскользнула из роскошной квартиры мужа и – пролет за пролетом – поскакала по ступенькам.

Крик Андрея, усиленный гулким эхом подъезда, прогремел над головой, как глас Божий:

– Давай, иди! Но ты еще вернешься! Приползешь назад и будешь молить о прощении!

Ника стиснула зубы и побежала еще быстрее.

– Подуди себе, знаешь, куда, баран? – буркнул Егор, подрезав выскочку на «Рено». – У этого твоего музея припарковаться-то есть где?

– Во дворах, – пожала плечами Полина, придирчиво рассматривая свои губы в зеркальце пудреницы.

Егор чуть резче нажал на педаль газа, но промолчал. Поцарапают в тех дворах машину гвоздем – будет тогда тебе «Мультимедиа Арт Музей», язык сломаешь, блин! Полина его туда силком бы не затащила, но это была прощальная просьба. В смысле, перед разлукой. На следующей неделе она уезжала в Лондон, на учебу.

Это оказалась выставка парня, который из собственной крови слепил человеческую голову в натуральную величину. Нормально?

Егор несколько раз обошел стеклянный куб с инсталляцией внутри. Это ж сколько кровищи на такую башку пошло? Литров пять, не меньше. Наверняка псих-художник бомжа какого-нибудь порешил во славу искусства. А Полинка-то хороша, нашла, куда его затащить! Пусть теперь только попробует тарантиновские фильмы «трешем» называть! Кстати, а где она?

Полину он нашел в другом зале. Она расхаживала среди картин и скульптур, нацепив на нос гламурные очки. Егор знал, что они без диоптрий, с простыми стеклами. Прищурилась и изрекла, глядя на полотно, изображавшее кусок сырого мяса:

– Концептуально!

Ха! Это единственное словечко, которое Егор когда-либо слышал от Полины в адрес картины или скульптуры. Только однажды в Эрмитаже она посмотрела на напольную роспись с Медузой Горгоной и с умным видом изрекла: «Версаче!» Ни хрена в искусстве не понимает, по модным выставкам таскается исключительно из снобизма.

Егор обратил внимание на странного пассажира, с бородой и на костылях. Во дает! Со сломанной ногой в музей приковылял, молоток!

Он поплелся за бородатым и остановился возле картины, на которой то ли в реке, то ли в море купались зэки. Издалека казалось, что они парят в небе, словно птицы. Несколько секунд Егор смотрел на картину не отрываясь. Пожалуй,

этот псих и вправду прикольно рисует.

Побродил еще немного и притормозил перед скульптурой черной полуголой девицы, которая завела ноги себе за голову. Прочитал на табличке:

«Кейт Мосс. Бронза».

Сзади подкралась Полина.

– Я его везде ищу, а он тут, слюни пускает, – ревниво поджала губы она. – Понравилась, да? Сразу видно – о сексе думаешь!

Он думал о том, что довольно странно делать скульптуру из бронзы, а потом красить ее черной краской.

– Ну, как тебе выставка, понравилась? – улыбнулся Егор.

– Да! Это так... концептуально!

Ужинали в пивном ресторане на немецкий манер – Егор отвоевал право выбора заведения.

– Неплохо, – кивнула Полина, попробовав кроличье жаркое из горшочка, – но ты сделал бы лучше. Нет! Ты сделал бы его божественно!

– Да ладно, – отмахнулся Егор, хотя знал, что она права.

Он готовил как бог. Причем бог дипломированный. Когда-то окончил кулинарный техникум, но по специальности почти не работал. Мечтал заделаться воротилой бизнеса и купить этот город с потрохами, идиот несчастный! Сначала машины гонял, потом вместе с другом организовали фирму по продаже стройматериалов. Неплохо поднялись, но во

время кризиса их «купи-продай» накрылся медным тазом. Ни работы, ни денег. Раньше на иномарке по крутым кабакам мотались, девчонок снимали, а тут порой приходилось буханку хлеба и «Доширак» на два дня растягивать. Тяжело морально. Друг спился, а Егор пошел в строительную бригаду на отделочные работы. Благо руки всегда из того места росли.

Вкалывал тогда день и ночь, как «гастер», вспоминать страшно! Однако фортуна улыбнулась, посыпались козырные заказы, и вскоре удалось сколотить собственную бригаду. Сейчас ремонты квартир и загородных домов были расписаны на год вперед. Работали нанятые люди, а Егор руководил и собирал заказы. Ребята подбивали потратить освободившиеся время и деньги на открытие ресторана. Что кулинарному таланту зря пропадать? Егор соглашался. Когда-нибудь.

Тем временем Полина умяла жаркое и вытерлась салфеткой.

– Десерт, что ли, заказать? – раздумчиво промурлыкала она. – Да ладно, надоел этот общепит. Я бы сейчас профитролей твоих сумасшедших съела! Ни в одном пафосном кафе таких не пробовала! Знаешь, тигренок, у тебя золотые руки. – Она взяла его за запястье и коснулась ладони теплыми мягкими губами, обожгла взглядом из-под опущенных ресниц.

Егор погладил ее коленку под столом.

– К тебе или ко мне? А утром – будут тебе профитроли!

– Маньяк! Все мысли только об одном, – кокетливо проворчала она, стряхивая с коленки его руку.

Она поерзала на стуле.

– Я тебе говорила, что у Викули свадьба на этих выходных? – пропела фальшиво-беззаботным тоном.

– Раз двести, не меньше, – вздохнул Егор.

Так вот к чему вся эта лесть, прыжки и ужимки. Полина уже пару месяцев выносила ему мозг со свадьбой. Хотела, чтоб туда вместе пошли, но Егор – кремень! Все эти брачные игрища он терпеть не мог, к тому же не желал выслушивать прозрачные намеки дальних родственников и увещевания ее простодушных подруг: «Вам тоже обязательно надо пожениться!»

– Прямо даже не знаю, как быть, – продолжала гнуть свою линию Полина, – как в ЗАГС добираться? Машину-то я на ТО загнала. Видимо, придется на маршрутке... – Она горестно вздохнула.

Егор прикинулся валенком, с интересом рассматривал солонку.

– Знаешь, слышала в «Новостях» об очередной аварии с участием маршрутки. Ужас! Столько жертв! Все, кто сидел впереди, – погибли!

Егор обеспокоенно покачал головой.

– Ну, ты тогда сзади садись.

– Егор! – в голосе Полины зазвенел металл.

– Полин, мы уже говорили об этом сто раз, на свадьбу я не пойду, все. Тема закрыта.

Нет, все-таки хорошо, что она в Лондон отваливает! Первокласная девка, да, но в последнее время уж слишком навязчива! Понятно, конечно: тридцатник на носу, замуж хочет, но Егор не даст надеть себе на шею это ярмо. Зачем? Женат уже был, сын есть. Сомнительные радости семейной жизни не привлекают.

Словно прочитав его мысли, Полина взяла себя в руки и снова сделалась белой и пушистой кошечкой.

– Ну, как хочешь, – обворожительно улыбнулась она. – А ты на выходных чем займешься?

Егор пожал плечами.

– С пацаном в парк пойдём.

– Как новая няня?

Махнул рукой:

– Все они одинаковые. Поначалу – золото в мармеладе, а потом оказываются суками, которых кроме денег ничего не интересует. Проходили уже... Представляешь, вчера домой захожу, а она навстречу на четвереньках выползает, с пацаном на спине, и ржет на всю квартиру: «И-го-го! Лошадка, поехали!» А Степка хохочет, заливается.

– И что? – не поняла его недовольства Полина.

– Да ничего. Приучит, а мне потом до восемнадцати лет на горбу таскать?! Что из него вырастет? И главное, одно и то же! Каждая новая нянька норовит с ним в лошадку поиграть.

– Может, у них есть какой-то негласный кодекс? – рассмеялась Полина.

– На эти выходные отпрашивается. Между прочим, уже второй раз!

– Справишься?

– Да мне Катька поможет.

Полина выронила вилку.

– Не поднимай, я сейчас официантку за чистой отправлю. – Егор поискал глазами яркое платье бургерши.

– Не надо, я... больше ничего не буду. Какая Катька?

– А я тебе не рассказывал? Настина сестра приехала.

– К-какой Насти?

– Ну, какой?! Жены моей покойной, мир ей пухом. Поступила, будет в Москве учиться. Она на прошлых выходных приходила, так у них с пацаном такая любовь нерастащимая образовалась. У нас в парке детей на пони катают, он всегда боялся, уговорить смогла только тетя Катя! – Егор нашел в телефоне фотографию и показал Полине. – Вот смотри! Мой Чапаев!

– В таких коротких шортах... Вечерами уже прохладно, придатки застудить не боится?

– Кто?!

– А... жить эта Катька где намерена?

– В общежитии комнату дали. А когда и у нас останется, все-таки не чужая. Степкина тетка.

Полина залпом осушила бокал с вином.

– И долго ты еще будешь с этим кирпичом ходить? – вдруг разозлилась она. – Сколько раз просила – смени телефон! В приличном месте достать стыдно!

– Айфоны твои за тридцать штук, что ли, покупать? А потом менять раз в год, когда новый выходит, – огрызнулся Егор. – А у этого цифры крупные, и фиг разобьешь! Продавец сказал, у них такие мобилы в основном альпинисты берут... Полин, ты чего?

Она не слушала, мрачно смотрела в окно.

– Ничего. Прости, нервничаю перед отъездом. Я отлучусь на минутку?

Подхватила свой кошелек на цепочке и зацокала каблучками в сторону туалета.

И чего им не сидится в своем Усть-Урюпинске? Едут и едут. Сначала одна притащилась, Царствие Небесное! Теперь вот вторая. Остаться будет на ночь. Когда она, Полина, за тысячи километров от Москвы!

Щелкнула замочком клатча и торопливо ощупала его содержимое в поисках пачки «Вог» с одной-единственной сигаретой внутри – ее НЗ. Курить Полина бросила – это уже не модно, пачку носила на случай форс-мажора: извержения вулкана или конца света. Сейчас был именно тот случай.

Сигарета выскользнула из дрожащих пальцев и упала на грязный пол ресторанного туалета. Полина стукнула по ней каблучком, еще и еще, разбивая в труху. И вдруг замерла, осе-

ненная блестящей идеей. Бинго! Какая же она умница-разумница, что догадалась сохранить тот номер.

Выудила из клатча айфон и прокрутила контакты записной книжки, как барабан с патронами перед игрой в русскую рулетку. Однако тут есть изрядная доля риска... Тряхнула головой. Глупости, эта замухрыжка совсем не в его вкусе! Егору всегда нравились роскошные блондинки. Такие, как Полина. Она посмотрела в зеркало, висящее над раковиной, и невольно залюбовалась своим отражением: лицо, волосы. А грудь – вообще прелесть что такое! Три ноль в пользу Полины.

Она приняла решение и нажала на кнопку вызова своего телефона.

– Здравствуйте, Вероника, это вы?

«Я люблю всех своих детей, но некоторые из них мне не нравятся» – под этими словами Лилиан Картер наверняка подписалась бы и Никина мать.

– Вставай сейчас же, – шипела она, с остервенением стаскивая с дочери одеяло. – Сколько можно? Так и ужин проспий!

– А который час? – Ника поежилась, села в постели и потерла глаза кулаками.

– Уже десять!

– Такая рань... К тому же, сегодня выходной.

– Да что за жизнь у тебя такая! – всплеснула руками ма-

ма. – Ложится под утро, встает в обед, на работу ходит, когда вздумается! Точная копия своего отца!

В материнской системе ценностей это был самый страшный грех.

– Кофе на столе, так что будь добра! – Она обиженно поправила растрепавшиеся волосы и, возмущенно пыхтя, удалилась на кухню.

Ника упала на подушку и накрылась одеялом с головой. Она прожила в отчем доме пару недель, а казалось, как минимум месяц. День шел за два, как в следственном изоляторе. Ладно, надо вставать, мать все равно от нее не отстанет.

Выглянула из-под одеяла и осмотрела комнату. Тут все сохранилось как в детстве. Кровать, напротив – диван, на котором раньше спала сестра, их письменный стол и книжные полки, обклеенные вкладышами от жвачек. На двери – плакат с актерами обожаемого в былые времена сериала «Элен и ребята». Оксане больше всех нравилась Элен, а Нике – Кати, и они постоянно спорили, кто лучше. С сестрой никогда не получалось найти компромисс. Они часто ссорились, а бывало, даже дрались – не на жизнь, а насмерть! Комнату поделили: Ника боялась выходить, потому что дверь оказалась на половине сестры, а Оксана – приближаться к платяному шкафу.

Помирить их мог только отец. От него, как от фокусника, всегда ждали чудес. Какие игры он выдумывал, а сколько всего интересного знал! Слета отвечал на любой вопрос,

часами мог рассказывать о тайнах мексиканских пирамид и папуасах Южной Каталонии, ярко, артистично. Правда, все, что он говорил, запросто делилось на два, а то и на три. Ника стала посмешищем всего класса, когда выяснилось, что в Каталонии никогда не было папуасов. Она тогда люто возненавидела отца, но легко простила ему свой позор, ведь они вместе собрались в кругосветное путешествие на дирижабле... Большой ребенок, он совершенно не был похож на мать. Даже странно, что родители прожили вместе так долго. Развелись, когда Нике исполнилось одиннадцать. Из-за романа с официанткой ресторана, в котором он работал, пел по вечерам.

Сейчас отец сдавал квартиру, доставшуюся от его родителей, и жил на ГОА. Уехал туда с Никиной подругой, с которой познакомился на Оксаниной свадьбе. На этой свадьбе, пять лет назад, Ника и видела его последний раз...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.